
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МИФОЛОГЕМА «ПУСТЫНЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ АРАБСКОГО ПИСАТЕЛЯ ИБРАГИМА АЛЬ-КУНИ

О.И. Золотухина

Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье дается анализ пространственной мифологемы «пустыня» в творчестве туарегского писателя Ибрагима аль-Куни. Определяется роль и место данной мифологемы в пределах отдельных произведений и всего творческого процесса, а также создание целостной «пространственно-мифологической» картины мира, присущей творческому методу И. аль-Куни. Рассмотрены особенности мифологемы как универсальной категории, соединяющей мирское и сакральное пространство.

Ключевые слова: арабская литература, мифологема, постмодернизм, пространство, пустыня, туареги.

При дефиниции понятия «мифологема» можно выделить два значения: 1) более широкое, культурологическое; 2) литературоведческое. Мифологема в сфере художественной культуры — знак с определенной мифологической семантикой (исконный материал), несущий в себе комплекс архетипических свойств, мифологических аллюзий. В контексте художественной литературы мифологема — отдельный авторский образ, формируемый из ряда закрепленных культурно-литературных традиций значений, по структуре схожий с древним мифологическим (новый материал) праобразом. «Основная масса... материала, сохранявшаяся традицией с незапамятной древности, содержалась в повествованиях о богах и богopodobных существах, героических битвах и путешествиях в подземный мир — повествованиях, которые всем известны, но далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества. Мифология — есть движение этого материала» [1. С. 13].

Для осознания концепции мира, выраженной в тексте, необходимо осознать, как он выстраивается, понять его пространственные координаты и законы передвижения. Пространственная мифологема в тексте внешне организует хаос и возвращает читателя к «гуманной праструктуре» [2. С. 379] или же сигнализирует о философском, мифологическом подтексте, включает в себя особый пространственно-литературный контекст.

Категории пространства и времени примиряют основную оппозицию человеческого мышления, оппозицию мира реального и ирреального, заключенную в мифе и составляющую его сущность: миф — это «непосредственное вещественное совпадение общей идеи и чувственного образа, он настаивает на неразделенности в мифе идеального вещественного, вследствие чего и является в мифе специфичная для него стихия чудесного» [3. С. 19].

Безусловна связь понятий времени-пространства с проблемой культурных универсалий, и сама возможность существования последних во многом возни-

кает за счет единообразных для всех типов человеческого мышления фундаментальных параметров при определении положения тела в пространственной и временной протяженности (ср.: У. Эко: «Меня... интересовал вопрос, существуют ли „семантические универсалии“, то есть простейшие понятия, общие для всех культур, несомненно, существуют, и все они связаны с положением нашего тела во времени и пространстве» [4]).

Творчество Ибрагима аль-Куни, отталкивающегося при создании своих повестей и романов от неких универсальных схем, «вечных» сюжетов в человеческом мышлении, во многом строится на использовании в качестве ключевых фигур ряда пространственных мифологем. В произведениях художественной литературы пространственные мифологемы переносят текст в сферу универсальных философских концепций, что и является главной целью «мифологического» направления современного романа — создание авторской картины мира философского концентрума бытия, где «мифологизм становится инструментом повествовательного структурирования» [5. С. 129].

Мифологическая составляющая мотива пустыни в арабской литературе сопряжена с доисламским периодом кочевничества, а также с происхождением священной книги мусульман — Кораном. Она ассоциируется с идеей о воинах и мессианской идеей. С пустыней напрямую связаны мифы о джинах и прорицателях.

Категория пространства непременно связана с этнокультурным фоном: пространственные отношения увязываются с окружающей средой и находят отражение в семиотических кодах с закрепленными за ними определенными этностереотипами. Именно поэтому И. аль-Куни берет в качестве сетки координат для создания большей части своих произведений реалии Сахары, где пустыня предстает не как условное стилизованное место действия, а как определенный пространственный континуум. Хорошо представляя себе мышление, традиции и культуру туарегов, И. аль-Куни соблюдает практически все условия данного хронотопа, трансформируя их в отправные точки для выражения своей философии. Будучи точкой пересечения земной горизонтали и небесной вертикали, пустыня становится местом встречи двух миров: божественного и человеческого, сакрального и реального, мира животных и мира человека. В романе «Кровотокающий камень» (1990) автор начинает повествование со слов «Сахара — дом божий на Земле», максимально приближая мифологему «пустыня» к мифологеме «храм».

В отличие от восточной ментальности, пустыня в русском пространстве была символом одиночества и непонимания, рабства как отсутствия культуры. Пустыня у И. аль-Куни фигурирует как место встречи человека с Богом (дьяволом или прорицателем), место покаяния, место выбора и обретения свободы. Это всегда двойственный образ: лишения, опасности и наказания, с одной стороны, и очищение и начало нового — с другой. В христианской, иудейской и исламской культурах пустыня считается местом Откровения (беседы с Богом): именно в ней эти религии находят источник своего зарождения. Это подтверждает специфический символизм пустыни как самого благоприятного места для божественного откровения: «монотеизм является религией пустыни» [6. С. 122].

Герой аль-Куни, как и герои большинства современных постмодернистских текстов, одинок. Он остается один на один с внешним миром, со своим существованием в нем, его предметной, вещной стороной: «Доверься стаду, в нем больше милосердия, чем в людях... Иди за ними [за стадом — *О.З.*], не бойся, они знают пустыню лучше тебя, меня и старух» [7]. Он обречен вечно искать свое место в пространстве, пытаясь обнаружить с ним родство или какую-либо связь и «догнать дождь». Он вовсе не хозяин мира и пустыни, он сторонний наблюдатель, обреченный исчезнуть в пустоту. В новеллах и романах аль-Куни развивается сложный конфликт — конфликт человека в целом и его отношения к пространству, его места и роли в нем.

Вопреки стандартным представлениям о динамичности Запада и статичности Востока аль-Куни связывает пустыню, мир туарегов, с постоянным движением. Во-первых, это движение песчаных дюн. Их движение постоянно, его невозможно остановить, оно символизирует вечное движение и повторяемость, переливчатость определенных характеристик человеческого мышления, направления движения человеческой мысли. Во-вторых, туареги — это воины-торговцы, кочующие по Сахаре и прилегающей к ней странам, не обращая внимания на границы. В романах им часто противопоставлен образ европейцев — искателей золота или американцев, устанавливающих оборудование для разработки нефтяных скважин. Перед нами в пространстве пустыни появляется еще одна культура, которая, выработав новую и прогрессивную концепцию бытия, встала на гибельный путь поддержки статичного положения и в итоге закономерно оказалась в тупике. Те, кто вторгся в пространство Сахары не знают традиций и нравов туарегов. У чужеземцев нет той исторической памяти, которой обладают туарегские мудрецы. Они без труда проносятся мимо мифологических заграждений. В романе «Лунное затмение» (1989) один из охотников за золотом, остановившись на ночлег, разводит костер, на утро он видит, что все добытое им золото превратилось в горсть пепла. Он не помнил, не знал о том, что без жертвоприношения сохранить найденное в Сахаре невозможно. Иногда и сам герой теряет историческую память, а мудрый прорицатель пустыни появляется слишком поздно.

Важно заметить, что аль-Куни ставит в центр своих произведений туарегов, их культуру, традиции и обряды неслучайно. Дело в том, что туареги — единственный народ в мире, у которого не женщины, а мужчины закрывают лицо повязкой-покрывалом, из-за чего родственные племена называют их «тигель муст» — «народ покрывала». И до сих пор юноша, достигший зрелости, получает в знак этого от отца две вещи — обоюдоострый меч и покрывало для лица, которое не снимают даже дома во время еды или сна. В культуре туарегов также прослеживаются уже чуждые для Востока традиции матриархата, когда, например, особую письменность «тифинаг» используют только женщины. Таким образом, происходит в некотором смысле деконструкция мифологемы «пустыня», возникшей в классической арабской литературе.

В пространство Сахары аль-Куни, помимо классической пустынной фауны, входит часто встречающийся черный козлик, неизвестно кем принесенный или неизвестно как вышедший из земли. Черный козлик в мифологии туарегов выполняет функцию жертвы, приносимой различным божествам. Но, как правило, козлик

никогда не появляется в нужный момент. Помнят о его функции лишь избранные личности, несущие «коды» исторической родовой памяти — мудрые прорицатели пустыни, способные раскрыть тайну неудач героя.

Землю туарегов отделяет от остального мира классический барьер, водная преграда. Еще в древних мифолого-семантических системах река стала некой пространственной мифологемой, разделяющей реальный и ирреальный миры. Но туареги — вольные люди, и они кочуют по Сахаре и прилежащим к ней странам, не обращая внимания на границы.

В романе «Маг» (в русском переводе «Бесы пустыни») колодец с питьевой водой становится границей-стыком, в которой совмещаются два типа сознания, с последующим синтезом различных культурных контекстов.

Символика пустыни в контексте арабской литературы при всей своей многозначности была довольно конкретна и определена, в то время как мифологема «пустыня» в произведениях аль-Куни включает в себя представление о неописваемости, бесконечности и неопределимости идеи пустыни. Автор разрушает стереотипы обыденного сознания, делает пространственные границы проницаемыми и синтезирует различные культурные и религиозные контексты.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кереньи К., Юнг К.Г. Введение в сущность мифологии // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. — М., 1997.
- [2] Брех Г. Дух и дух времени // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. — М., 1986.
- [3] Мифы народов мира: В 2 т. — М., 1997.
- [4] Эко У. Во что верят неверующие (Из переписки Умберто Эко и кардинала Мартини) // www.index.org.ru/selected/297eko.html
- [5] Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. — М., 2001.
- [6] The Seven Veils of Seth, trans& William M. Hutchins, Cairo: The American University in Cairo Press, 2008.
- [7] Аль-Куни И. Поток. — URL: <http://lib.rus.ec/b/361244/read>

THE MYTHOLOGEME OF PLACE “DESERT” IN THE WORK OF THE ARAB WRITER IBRAHIM AL-KONI

O.I. Zolotukhina

Department of World Literature
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198

The article shows the mythologeme of place “desert” in the works of the Tuareg writer Ibrahim al-Koni. It defines the role and place of the myths in the range of individual works and the whole creative process, as the creation of an integrated “space-mythological” worldview inherent creative method I. al-Koni. Myth is analyzed as a universal category, which connects the secular and the sacred space.

Key words: Arabic literature, mythology, postmodernism, space, desert, Tuareg.